

«нерегулярность» представляет конечное *-ти*, которое не перешло в *-дз* или *-ц* (закономерно было бы **Æфсæдз* или **Фысæдз*). Наше древнее имя удержало конечное *-ти*, и этот факт в любом случае нужно объяснять. Но перед нами название сакрального характера, а поэтому указанный закон перехода *-ти* в *-дз* или *-ц* мог «промолчать».

Или, может быть, в *Апсати* // *Афсати* следует видеть заимствованное древнеиндийское *Paśupati*. Не исключено, что перед нами пример еще одного сепаратного индо-скифского (осетинского) схождения.

Примечания

- ¹ *Март Н. Я.* Ossetica — Japhetica. — Изв. Российской Академии наук. Пг., 1918, 1073—1074; *Он же.* Фрако-армянский *Sabadios-aswat* и сванское божество охоты. — Изв. Российской Академии наук. СПб., 1912.
- ² *Чурсин Г. Ф.* Культ охоты у кавказских народов. — Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Л., 1929, № 5, 17.
- ³ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, I, 300.
- ⁴ *Абаев В. И.* Проблемы нартского эпоса. — Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957, 29—30.
- ⁵ *Абаев В. И.* Thraco-scythica. — В кн.: В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания. С., 1980, 107.
- ⁶ *Крупнов Е. И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, 32.
- ⁷ *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1882, ч. 2, 244—245.
- ⁸ *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983, 88.
- ⁹ Там же, 92—93.
- ¹⁰ *Bhattacharji S.* The Indian Theogony. A comparative study of Indian mythology from the Vedas to the Puranas. Cambridge, 1970, 4—5.
- ¹¹ См.: *Гуриев Т. А.* Осетинский эпический образ скифского возраста. — В кн.: Античная балканистика (материалы). М., 1980, 17—18.
- ¹² *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982, 70.
- ¹³ О значениях этого слова в индоиранских языках см.: *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. P., 1969, 48—50.

Д. Теодоридис*

ЧТО ЕЩЕ ОБОЗНАЧАЛО СР.-ГРЕЧ. *πηγάδι*

Издание русско-византийского разговорника, относящегося к концу 15 в., сопровождаемое критикой текста и комментариями, было подготовлено М. Фасмером, по его собственному свидетельству, так «чтобы греческий текст был доступен для понимания и согласовывался с русским»¹. Открытый в результате этого среднегреческий лексический материал, содержащийся в разговорнике, принес с собою, разумеется, ряд вопросов, которые за истекшее время — прошло более половины столетия — получили широкое освещение и ответы².

* © Dimitri Theodoridis, 1988 г.

Исключением является, однако, одно слово, скорее — его семантика, которой древнерусский перевод текста обогатил исследование среднегреческого. Речь идет о средне- и новогреч. *πηγάδι* 'глубокий колодец, рычажный колодец', которое, как мне кажется, совсем не утратило проблематичности.

Слово *πηγάδι* приведено в разговорнике, в написании *pigadi* (~ *pigoti*), как соответствие для др.-рус. *гривенка*. М. Фасмер вынужден был поэтому при перечислении греческого материала записать значение 'сморщенная кожа под подбородком и на груди быка', т. е. современное значение устарелого и редкого рус. *гривенка*, и еще далее, очевидно, интуитивно упрощенное 'кожа под подбородком'³. Однако он не преминул указать на загадочность единственного примера при помощи определений «в других случаях неизвестно», «неясно» или «больше нигде не засвидетельствовано», которыми и охарактеризовал греческое слово⁴. Фасмер благоразумно воздержался от исправления слова, хотя, возможно, и была у него такая мысль, когда он написал: «едва ли н.-греч. *πηγάδι*»⁵. Сомнения М. Фасмера можно понять. Как может слово, которое до сих пор имело только значение 'глубокий колодец', однажды, и лишь один этот раз, выступить также в значении 'кожа под подбородком'? Что за необычное семантическое развитие — результат неуловимой ассоциации, смелой метафоры — должно лежать здесь в основе?

По моему мнению, дело здесь действительно в метафоре, сферу возникновения которой следует искать за пределами греческого языка. Кто сколько-нибудь хорошо знаком с поэтическим языком исламского Востока, прежде всего персидским и находящимся под его сильным влиянием языком поэзии османскотурецкого ареала, тот сможет без труда понять, что скрывается за значением 'кожа под подбородком' применительно к слову *πηγάδι* в русско-византийском разговорнике.

В персидском и в так называемом придворном османском языке *çāh* как раз и обозначает, с одной стороны, яму, глубокий колодец, а с другой стороны — в поэтическом контексте как эллипс выражения *çāh i zanaḥdān* (дословно 'глубокий колодец подборадка'; в турецком реже также вместо *çāh i zaqan* то же) — 'кожная складка под подбородком' или просто 'ямочка на подбородке'⁶.

Трудно установить, когда и кто сравнил ямку на подбородке или кожную складку под подбородком с глубоким колодцем, тем более, что это и не является задачей настоящей заметки. Однако совершенно очевидно, что глубокий колодец в связи с библейским образом Иосифа, брошенного своими братьями в подобный колодец (ср. Книга Бытия 37,²⁴ и отсюда Коран 12,¹⁰; 12,¹⁵), фигурирует уже в персидской поэзии 12 в. в «своего рода мифологической сцене»⁷. Это ведет к предположению, которое нужно еще подкрепить цитатами, что образ Иосифа, бытующий на исламском Востоке как символ совершенной красоты, сыграл важную роль в переносе понятия 'глубокий колодец' на лицо возлюбленного (возлюбленной). Представление о лице, которое у Иосифа даже

в ямке на подбородке воплощает символ абсолютной красоты, помогает гиперболической технике поэтического творчества освободить предмет от «мирских связей»⁸.

Во всяком случае в турецкой поэзии начиная с 15 в. понятия Иосифова колодца и ямки на подбородке встречаются в тесном переплетении⁹. Постепенно, однако, образ Иосифа, который, вероятно, первоначально и сблизил понятия друг с другом в устойчивую связь, начал отходить на задний план или совершенно исчезать, так что вместо него кануло теперь в 'глубокий колодец (на подбородке)' неосторожное сердце поэта с тем, чтобы больше уже не выбраться оттуда.

Развитие этого понятия происходило наряду с этим и в другом направлении, причем оно утратило свое светско-эротическое содержание и вросло в терминологию исламской мистики. 'Глубокий колодец на подбородке' (*čāh i zanaḥdān*) означает, по свидетельству написанного на персидском языке и не поддающегося точной датировке обширного списка слов под названием *Mir'āt i 'uṣṣāq*, аллегорически 'трудности мышления новичка' в учении суфизма¹⁰.

Эта метафора, формирование которой, с опущением некоторых частных деталей, было здесь коротко очерчено, дана в русско-византийском разговорнике в грецизированной форме. Она должна была бы рассматриваться как единичный и вместе с тем примечательный случай, если бы слово *πῆγάδι* с этим его побочным значением было не калькой, а независимо возникшим на основе ассоциативного механизма новым понятием. Против этого говорит уникальность употребления. Бесполезно было бы пытаться восстановить обстоятельства, благодаря которым это слово нашло путь в двуязычный текст; здесь единственно уместно предполагать стихийность возникновения слова. Представляется некий грек, имеющий доступ к персидским сочинениям или (учитывая географический аспект) скорее к турецкой поэзии, которого какой-то любознательный русский спрашивает, как называется по-гречески то или другое; спрашивающий мог бы также поинтересоваться, как по-гречески называется 'кожная складка под подбородком' (*гривенка*). И здесь стихийность могла проявиться двояко: либо авторитетный консультант ответил мгновенно возникшей в его сознании калькой *πῆγάδι*, либо он сказал, что не может дать ответа, заметив при этом, что в турецком (или персидском) это значение передается словом, которому в греческом соответствует *πῆγάδι*, после чего последнее и было немедленно записано спрашивавшим. Без этой явно некритической письменной фиксации слово в этом значении было бы лишь искусственным, поэтизированным созданием опосредствующего сознания и вряд ли приобрело бы право на существование за пределами его диалекта. Приведенные выше материалы подводят к размышлениям, которые можно резюмировать в виде трех пунктов.

1. Ср.-греч. *πῆγάδι*: 'глубокий колодец' имеет в русско-византийском разговорнике конца XV в. побочное значение 'кожная складка под подбородком'; это объяснимо.

2. То же значение 'кожная складка под подбородком' должно быть с уверенностью признано для (др.-)рус. *гривенка* того же времени.

3. Слово *πηγάδι* представляет собою лишь случайно сохранившееся свидетельство влияния системы представлений исламского культурного региона на греческий.

Перевела с немецкого Ж. Ж. Варбот

Примечания

- ¹ *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch: Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922 (=Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, 2), 2.
- ² В качестве примера можно привести из разговорника слово *ένδαμικό* 'сталь' (см. с. 133 и 152), которое было там помечено как 'sonst unbekannt'; см. о нем: *Theodoridis D.* Zum Problem von *ένδαμικός σίδηρος*. — *Byzantinische Zeitschrift* 64, 1971, 61—64.
- ³ *Vasmer M.* Op. cit., 96, № 2203; 165, 174.
- ⁴ *Idem*, 165, 174 etc.
- ⁵ *Idem*, 165.
- ⁶ Относительно персидского слова см.: Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1970, 460 (*čāh*), 767 (*zanahdān*); относительно тюркского — ср.: *Özön M. N.* Edebiyat ve tenkid sözlüğü. Istanbul, 1954, 54. В хорошем и богатом материале исследования: *Andrews W. G. Jr.* An Introduction to Ottoman Poetry. Minneapolis and Chicago, 1976 (=Studies in Middle Eastern Literatures, Nr. 7) эта метафора пропущена.
- ⁷ *Reinert B.* Haqāni als Dichter. Poetische Logik und Phantasie. Berlin, 1972 (=Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur des islamischen Orients. N.F.V.4), 25. Мотив глубокого колодца отсутствует в персидской поэзии 9—11 вв.; ср. чрезвычайно подробную работу: *Османов М.-Н. О.* Стиль персидско-таджикской поэзии IX—X вв. М., 1974, а также: *de Fouchécour C.-H.* La description de la nature dans la poésie lyrique persane de XIe siècle. Inventaire et analyse des thèmes. Paris, 1969 (Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris, 4). Ср. еще: Schimmel, Stern und Blume. Die Bilderwelt der persischen Poesie. Wiesbaden, 1984, 56.
- ⁸ *Plett H. F.* Einführung in die rhetorische Textanalyse. Hamburg [2-ое изд.], 1973, 76.
- ⁹ Ср. *Çavuşoglu M.* Necâti Bey Dîvân'ının tahlili. Istanbul, 1971, 34 и 179; *Tolasa H.* Ahmet Paşanınşir dünyası. Ankara, 1973 (=Atatürk Üniversitesi yayımları N 286; Edebiyat Fakültesi yayımları N 56; Araştırma serisi N 46, 271 и сл.
- ¹⁰ См. Словарь суфийских терминов *Mir'at-i üşşak*: *Бертельс Е. Э.* Избр. тр. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, 126—178, особенно 144. Работа была издана после смерти Е. Э. Бертельса (7.10. 1957), из его наследия.